

Народные знания сахалинских айнов

Владимир Викторович Подмаскин,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru

В статье рассматриваются народные знания айнов о пространстве и времени, фауне, флоре, медицине во второй половине XIX—XX в. Выявляется роль народных знаний в развитии традиционной культуры.

Ключевые слова: традиционная культура, фауна, флора, рисуночное письмо, народная медицина.

Folk Knowledge of the Sakhalin Ainu.

Vladimir V. Podmaskin, Dr. Sc. (History), Professor, senior researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (FEB RAS), Vladivostok.

The article deals with the folk knowledge of Ainu communities about space and time, the fauna, flora, and medicine in the second half of the 19th century and in the 20th century. It reveals the role of traditional knowledge in the development of traditional culture.

Keywords: traditional culture, fauna, flora, picture writing, folk medicine.

Айны сохранили в традиционной культуре обширные народные знания о человеке, природе и обществе, которые приобретались на основе практической деятельности, связанной с добыванием средств существования, служили главным источником познания и объяснения окружающего мира, обеспечивали стабильность и воспроизводство этнической общности, обладающей самобытными чертами.

Они были хорошими знатоками природы, климатических особенностей местности, умели находить нужное направление пути, предвидеть изменения погоды. Например, по вершине высокой горы *Ябека* (возвышенная земля) айны определяли погоду. Если облака окутывают вершину — это к ненастью, если нет облаков — погода будет хорошей. Иногда охотники совершали переходы при резких изменениях погоды на значительное расстояние, хорошо ориентировались и быстро передвигались на самой разнообразной местности в различное время года (для этого они изобрели плоты, нарты, лыжи и лодки). Охотники служили русским землепроходцам проводниками по незнакомой местности.

Одним из важных условий обеспечения жизнедеятельности, преодоления сложных препятствий и стихий природы являлась ориентация во времени и в пространстве. Осваивая пространство, айны оставили ряд народных географических названий, по ним без компаса определяли сторо-

ны света. Их названия совпадали с названиями ветров: *гомаков* — запад (западный ветер), *горепуну* — восток (восточный ветер). Исследователи отметили, что ориентировка у айнов происходила не столько по странам света, сколько по оси «верховье — низовье» реки, у которой располагался посёлок [1, с. 96].

Ориентирование на местности осуществлялось без карты и компаса по различным местным признакам, географическим объектам, зарубкам. Географическая номенклатура Сахалина и Курильских островов в основе айнского происхождения. По данным М.М. Добротворского, названия Курильских островов Симусир, Кетой, Мусир, Шияшкотан (Сиоськотан), Онекотан, Парамушир и др. — все айнские. *Трепун-мосири* — айнское название Сахалина; *Мосири* происходит от *мо* (малый) и *сири* (место, пространство земли); гидроним *Поротру-Песьно*, приток *Кусуная*, происходит от слов: *поро* (большой), *тру* (дорога), *песь* (утёс), *по* (дитя). Гора *Хуннэ-сапа* похожа на голову рыбы, отсюда и название «голова кеты». Широко представлены топонимы, связанные с хозяйственной деятельностью: *Тэсио* (место, где ставят *тэши* — загородку для рыбы), *Урай усипэт* (река, где ставят ловушки), *Урай котан* (деревня ловушек). Название посёлка *Макомай* произошло от наличия ракушек *макомай айп*. Гора *Юкуруан нупури* определяется пастбищем для оленей. Сохранился топоним полуострова *Мукара энтрум* (топорный мыс), где жили *тончи* — люди каменного века. Они, испугавшись айнских воинов, покинули полуостров, оставили на нём каменные топоры, стрелы и горшки [3, с. 32, 33].

У айнов-охотников много естественных географических названий, связанных с микрогеографией гор и лесов, рыболовов и морских зверобоев — с гидрографией. Они выделяли и обозначали мельчайшие особенности ландшафта и рельефа: *можан* (букв. малое течение), *сирарака* (площадь, омываемая приливом), *нохру* (дорога мыса, гряда камней, уходящая от мыса), *масара* (песчаный вал у морского берега, кошка), *ная*, *наяхэ* (большая река), *бет* (ручей), *сири* (гора около воды), *носихи*, *ноторо*, *энтрум* (мыс), *макун нитас* (лес возле моря), *туссо* (утёс с пещерой), *туру* (море), *ота—коро носки* (сухая часть морского берега), *отаун* (высокий песчаный берег), *паната* (низовья реки), *па* (*пакехе*) (восточная или северная часть острова). Повсеместно встречаются местные географические названия, связанные с образом кита: *хумпэ ома най* (река, где появляется кит), *хумпэ янка най* (река, по которой поднимаются киты), *хумпэ сята* (голова кита), *хумпэ сюм* (скала-кит) [1, с. 153].

Ориентиром в ночное время служили небесные светила. Айнам известен Млечный Путь (*Пэт Нока* — «подобие реки»), который считался отражением земной реки Токати (или Исикара), Большая Медведица и Полярная звезда (*Тинукара гуру* — «видимый человек» назывались одинаково), Венера — утренняя звезда. Её вида, как считали айны, боялся дух оспы. Солнце *тюп* (от *тюпа* — «сияющая вещь») или *токап тюп* («светило дня») почиталось как доброе существо, дающее тепло и свет. Звезда *Альдебаран* из созвездия Тельца, рассматривалась как светило, ставящее ловушки на небесной реке (*урай тясикура*), а созвездие *Ясь* (Кассиопеи)

считалось небесным закидным неводом. Изменение положения звёзд на небе отражало смену времён года и указывало на необходимость сезонной хозяйственной деятельности; звёзды являлись ориентирами в пути, по созвездиям на ночном небе определяли ход рыбы [15, с. 66].

Многие физические явления природы айны не могли правильно объяснить. Гром и молнии, по их воззрениям, возникают от постоянной борьбы многочисленных божеств неба. Молния — отражение их мечей, применяемых в борьбе. Периодически эти божества опускались в мир людей, чтобы испить воды из потоков.

В прошлом айны пользовались лунным исчислением времени, основанным на наблюдениях за фазами луны. Полный цикл изменения формы видимой части лунного диска был зафиксирован в мифологии: «Бог всех светил Суф камуй живёт на луне. Видят его руки и ноги. При каждой новой луне он рождается, потом взрослеет, становится мальчиком, затем мужчиной и при окончании ущерба луны умирает глубоким стариком. Из всех богов Суф камуй имеет у себя женщину и собаку, которых он захватил, уходя с земли на луну». В названиях лунных фаз отчётливо представлены семь точных наблюдений: *насукуф-суф* (луна перед полнолунием), *нин-суф* (луна перед исчезновением), *суф-сихекем* (луна после полнолуния), *асись-суф* (молодой месяц), *хэмака-суф* (период полнолуния), *суф арекири* (первая и последняя четверть луны), *тюбутуру, суф исам хетака* (новолуние). Лунный месяц *суф* состоял из 30 дней. Солнце, луна, месяц (календарный) назывались одним словом *суф*. Движение солнца днём служило для айнов часами. Они отмечали 8 частей положения солнца до полудня и 7 после полудня [3, 428—429].

По фазам луны определяли циклы жертвоприношений, сопоставляли время проведения религиозных праздников, хозяйственной деятельности. О приближении хода рыбы, например, айны узнавали по нарастанию луны [3, прил., с. 63]. Исследователи отметили, что айнам известно 12 циклических знаков, среди них *мацунау* (первый) и *оттомун* (последний), вероятно, связанных с лунным календарём.

Представления о временах года и делении их на циклы определялись сезонными изменениями в природе и приурочивались к хозяйственной деятельности. Например, *тру-суф* (декабрь — январь) — время года, когда на Сахалине появляется первая зимняя дорога. Период дождей (март — апрель) назывался *токари понситэ* («тюлень, рождённый водой»), так как в этот период появляются новорождённые тюлени. *Киута* (март — апрель) — время роста травы, май *аракойнока* (корюшка) — сезон появления корюшки, *сичапесьне* (лесная мышь) — июнь (вероятно, название связано с вегетацией грызунов). В сезон *сахчехкарапе* (июль — август) заготавливали на зиму поджаренную рыбу, а в августе — сентябре *има-суф, ихари-суф* ловили и вялили кету, в сентябре — октябре *маута-суф* сушили ягоды шиповника. Ноябрь называли *суран-суф* — свистящий, бурный. Исследователи отмечают ещё ряд сезонно-хозяйственных циклов: *серема, оннев-суф, гахтра, этуон-суф, игумпа-суф, тоетанне, отару карапе, уребокитамбе, нан-суф* [3, прил., с. 89].

В повседневной жизни охотники научились быстро читать следы, оставленные человеком, животными или различными средствами передвижения, умели отличить ложные следы от настоящих, точно определить, в какое время они были оставлены, сколько прошло человек, животных и в каком направлении. По очертаниям следов определяли повадки зверей и птиц, поведение людей.

Год *на* состоял из двух полугодий (тёплого и холодного) и четырёх периодов: *паягара* (весна), *сахна* (лето), *сук* (осень), *мата* (зима). Начало года у них совпадало с периодом вскрытия льдов, когда рыба поднималась из моря в реки. Айны научились учитывать время между событиями, собственный возраст, определять единицы времени и вести им счёт. Они обратили внимание на правильную и закономерную смену дня и ночи. Так появилась первая природная единица измерения времени — сутки. Они измеряли расстояние пути днями. Причём дневной путь *то* может быть длинным или коротким в зависимости от дороги.

Счёт вели по пальцам рук и ног, в этом были отражены представления о человеке и частях его тела с основой 20 пальцев. Заготовку лососей измеряли связками по 20 штук. У айнов число *го* 20 служило основанием для счёта. Так *сине го* означает 20 (*сине* — один), *ту го* — 40 (*ту* — два), *тре го* — 60 (*тре* — три), *ван го* — 200 (*ван* — десять). Число 200, в свою очередь, может стать снова единицей для более высокого счёта [3, прил., с. 16]. Были и другие измерения, связанные с частями тела. Например, *тем* — маховая сажень, длина вытянутых рук.

Вершиной положительных знаний айнов можно считать изобретение рисуночного письма. Они на берёсте обозначали маршрут охотничьей артели. На такой карте содержались сведения об остановках в пути и наиболее важные события: пламя означало костёр, кружок — ночёвку, человечек — кочёвку. По этим картам с промысловиками общались торговцы, привозившие рис, чай, табак, свинец, порох и др. Народные географические карты можно рассматривать и как зародыши иероглифической письменности, на что указывает стилизация некоторых устойчивых знаков-символов.

В коллекции Н.В. Кирилова (Сахалинский областной краеведческий музей) находятся палочки *икунись*, употреблявшиеся айнами для поддержания усов во время употребления церемониальных напитков и общения с добрыми духами. При изготовлении *икунись* айны изображали на них либо реальные события, имевшие место в жизни того человека, кому эта палочка-усодержатель предназначалась, либо отражала черты характера, восхваляла его храбрость или служила символом рода [12, с. 1—48]. Личные знаки *сирось* владельцев *икунись* вырезались на нижних сторонах молитвенных палочек, служили напоминанием богам о тех, кто читал им молитвы и принёс жертву в виде капель спиртного напитка. При большом количестве молитвенных палочек выделяли только одну. Её обычно брали с собой на охоту, отчасти для защиты от злых духов, отчасти для того чтобы опознать человека в случае его смерти в пути.

На молитвенных палочках *инау* айны ставили зарубки *тохна* (показаны отметки пластования человека на груди и животе). Судя по этим

частям и зарубкам, «*инау* — писал М.М. Добротворский, — без сомнения, суть остатки человеческих жертвоприношений» [3, с. 47]. Вероятно, раньше у айнов имел место каннибализм и существовал обычай приношения человека в жертву богам. А.Б. Спесивовский, ссылаясь на Н.Г. Манро, отметил ещё один вид знаков, которые вырезались на *инау* и *икунись*. Они назывались *камуй итокпа* (мужские знаки предков), предназначались солнцу (*тюп камую*), божеству грома (*канна камуй*), божеству растений (*сирамба камую*), богу оленей (*юккаттэ камую*), которого просили увеличить поголовье оленей, и божеству рыб (*тэпаттэ камую*) с тем, чтобы оно увеличило количество рыбы в реках, божеству воды вообще (*вакка усь камую*), прародителю айнов (*азоини камую*), богу (*абэрара сют камую*), жившему под очагом, божеству — владельцу неба (*мосири кара камую*) и др. На *инау* вырезали знаки, похожие на кита, следы медведя и птиц [15, с. 115]. Айны вышивали на одежде и вырезали на колчанах для стрел изображения планет и звёзд *нотиу* (глаза звёздных духов), которые якобы должны были отгонять злых духов.

Во время передвижения охотники затёсывали деревья вдоль мало проторённых троп. Затёсы делали с обеих сторон дерева. В поисках дороги и следов пользовались знанием системы затёсов. Кроме постоянных знаков применяли временные — ветки дерева, пучки соломы, щепки. Когда у водоёма ставили самострел, то выбирали в этом месте какое-нибудь тонкое дерево, которое метили, немного обдирая кору, чтобы обратить внимание идущего человека [1, с. 147].

Народные знания айнов о животном мире, накапливаясь в процессе охоты и рыболовства, были необходимы для добывания и употребления в пищу мяса диких животных, птиц, рыб, способствовали обеспечению продовольствием и развитию духовных потребностей. Айны хорошо знали не любых, а лишь определённых представителей фауны. Назовём основных из них: медведь, собака, соболь, горноста́й, кит, кета, сельдь, змея, нерпа, кабарга, лиса, речная выдра, альбатрос, филин, орёл, лебедь, трясогузка, гагара. Они ценились с позиций повадок, примечательных особенностей, их важного места в животном мире, приметах, хозяйстве, мифологии, верованиях и шаманстве. Каждому из представителей фауны айны могли дать подробную биологическую характеристику. Многие животные и птицы попали в ряд сакральных (медведь, собака, змея, филин, орёл), отмечались символическими знаками [14, с. 193—214].

Охотники давно заметили, что мир человека и животных неразделим, устроен по единым законам и правилам и что между этими мирами не существует языкового барьера. Единственным домашним животным у айнов была собака *ину*, *сета* породы, близкой к сибирской лайке. Собачье мясо *енахт* являлось источником пищи в экстремальных ситуациях, но чаще всего его использовали в лечебных целях. Собака служила сторожем, использовалась на охоте и рыбной ловле, для упряжки в нарте и лодке. Сухопутным средством связи был собачий транспорт. Обучение ездовых собак и уход за ними требовал большого умения и опыта. Существовала хорошо отработанная система селекции, включавшая приёмы

отбора, выбраковки, сортировки, ухода, воспитания, кормления, дрессировки, в результате чего была выведена порода, успешно используемая при охоте и рыболовстве [4, с. 80]. Для ловли лосося рыболовы Курильских островов и Хоккайдо использовали дрессированных собак. Животных обучали плавать в заливе рядом с берегом, чтобы они гнали косяки в сторону рыболова, ловили лососей для хозяина. За ночь собака доставала из воды до 30 штук кеты [8, с. 19].

Для собак были созданы способы лечения и диета. Кормили их сушёной и мороженой рыбой один раз в сутки. Запрещалось давать им кости камбалы, бычка, краснопёрки, т.к. это могло повредить желудок и кишечник. В мифологии и шаманстве наряду с медведем и змеей собака считалась предком айнов, её приносили в жертву во время обрядов. В мифологии упоминается о том, что из костей небесных собак произошли олени — пища для людей.

Охотники и рыболовы имели опыт приручения диких животных и птиц. Источники свидетельствуют, что айны содержали в клетках для культовых целей медведей и филинов, лис и орлов ради товара. Медвежат выращивали сначала в доме (айнские женщины кормили их собственным грудным молоком), затем помещали в клетку-сруб на подворье [4, с. 80—81].

Каждый рыбак и охотник хорошо знал, как надо освежевать тушу убитого зверя, как обращаться с добытой птицей и как чистить рыбу. Тушу не разрубали топором, а расчленили ножом по суставам. Голова отделялась у первого шейного позвоночника, шея отрезалась с первыми двумя рёбрами. Айны ценили и знали многие свойства кож зверей и рыб, научились выделывать шкуры для бытовых нужд. Кожа и мех морских млекопитающих и собак применялись для пошива одежды, изготовления одеял и матрасов. Шкуры оленей служили постельными принадлежностями для взрослых, кабарги — постелью для детей. У айнов Сахалина и низовьев Амура получили распространение халаты из рыбьей кожи *чи-эту уру*, служившие защитой от дождя. Для этой цели использовали кожу горбуши: её сушили, разминали руками, смазывали лососёвой икрой для смягчения. На Курильских островах айны шили одежду из птичьих шкурок, обувь — из кожи морских зверей. В старину умели изготавливать ночные рубашки из сухожилий оленя.

Большое значение в жизни этноса занимали ресурсы моря. Знания, связанные с морским зверобойным промыслом, нашли отражение в языке. У айнов издавна развита охотничье-производственная терминология и в первую очередь подробная классификация морских животных [9, с. 516—517]. Термины обозначали пол и возраст особи. Они изобрели сложные орудия охоты, отражавшие комплекс различных знаний человека. Например, использование поворотных наконечников для гарпуна связано с экологическими факторами, где практиковалась охота на открытой воде с большим количеством плавучего льда, у полыней, на кромке припая. Существовала целая система кинетических сигналов, подаваемых на большое расстояние руками, ногами, головой. Все приёмы

морской охоты основывались на прекрасном знании биологии и особенностей поведения животных. Например, при зимнем промысле нерпы *репохне* учитывалось, что она всегда держится у берега под припайным льдом, как бы широк он ни был. Охотники определяли присутствие нерпы в том или ином месте не только по лунке, но и по гряде ледовых складок. Участки чистой воды находили по тёмному отсвету на облачном небе и по интенсивному парообразованию над ним.

Народные знания о птицах также были тесно связаны с хозяйственной деятельностью и сезонной системой питания. Весной и осенью сахалинские айны добывали промысловую птицу, дополнявшую рацион питания. Употребляли в пищу куропаток, бакланов, чаек, ворон, уток и куликов. Особенно высоко ценились бакланы за вкусное мясо. Шкурки и перья птиц использовали для изготовления одежды. Занимались айны и сбором птичьих яиц, чаще всего чаек и гагар. В большинстве случаев яйца птиц употребляли в свежем виде. Священной птицей считались орёл и филин. Золотой орёл сотворил мир. Хозяин селения и охранитель людей сравнивался с первопредком в образе филина.

Среди насекомых следует отметить представление о пауке *яоске* (досл. плетущий невод). Айны верили, что паук ведёт такой же образ жизни, как и человек: он плетёт сети и с их помощью добывает себе пищу. Подобные представления отмечены также у эскимосов.

Важную роль в жизнеобеспечении народа занимали собирательство готовых даров природы и переработка растительного сырья. Дикорастущие растения давали человеку пищу, лекарства, красители, дубильные вещества, кроме того, материал для пошива одежды, построек, изготовления средств передвижения, орудий труда и утвари.

Айны хорошо знали свойства растений и корнеплодов, используемых в пищу, замечали их действие на организм человека. Важной частью рациона были клубни дальневосточной лилии *тома*. Луковицы её, величиной с лесной орех, женщины собирали обычно во второй половине августа. Их промывали, ошпаривали кипятком и, нанизав гирляндами на нитку, подвешивали сушиться под кровлей. Заготовленные клубни варили, иногда употребляли с икрой камбалы. Из клубней сараны готовили муку, из которой в основном пекли лепёшки [13]. С конца августа до середины сентября занимались сбором луковиц *кив* (растений семейства лилейных). Осенью в пищу шли плоды диких слив, яблонь, груш, винограда, актинидии, сахалинского бархата, маньчжурского ореха, ростки папоротника и др. Собирали дикорастущие растения только женщины и дети с ранней весны до поздней осени. Важными пищевыми и лекарственными растениями являются брусника *ййтуреп* и клюква *асыт*. Айны знали 16 видов съедобных ягод, их употребляли в пищу в свежем виде, иногда сушили [10, с. 224].

Грибы использовались в пищу только пластинчатые — сыроежки *ка-русь* [3, прил., с. 74]. Ореховое дерево давало орешки, два вида дуба *тунни*, *пэро* — жёлуди. В легендах айнов ребёнка, оставшегося без родителей, воспитывает дуб. Видимо, это связано с тем, что раньше жёлуди были важным

продуктом питания, младенца, оставшегося без молока матери, поили отваром из жёлудей. Жёлуди собирали и запасали в основном для медведей.

Издавна охотники применяли растительный яд. Его получали из корней аконита *сюруку* (великий яд для лука). Измельчённые корни замачивали в сосуде и ставили в тёплое место для брожения. Готовность проверялась на насекомых: палочку с каплей яда айны прикладывали к ножке паука. Если под действием приготовленного состава она отваливалась, яд считался сильным и годным к применению. Использование яда аконита имело большое значение в боевых действиях, охоте на морского зверя. Секретным остался яд *юку райкэни* (дерево, убивающее оленя). Соком этого дерева охотники смазывали стрелы при охоте на оленя. С лодок курильские айны обстреливали отравленными стрелами китов. Через определённое время яд начинал действовать, вызывая у животных страшные судороги. В итоге киты выбрасывались на берег, становясь добычей человека [5, с. 135].

Айны — единственные из малочисленных народов Дальнего Востока России, которым было известно искусство ткачества. Женщины на самодельных ткацких станках изготавливали из ниток крапивы *мосе* и древесного луба *си* ткани для одежды. Нитки использовали для веревок и сетей, из стеблей и корней крапивы научились добывать натуральные красители.

А.А. Попов, развивая гипотезу о самостоятельном происхождении айнского ткачества, заметил, что только айны употребляли для тканья нити из древесного лыка, неизвестные другим народам Сибири. Исследователь обратил внимание на некоторые особенности в устройстве деталей станка. Айнский станок более лёгкий по своей конструкции, нитченка не подвешивается и не покоится на подставках. У некоторых айнских станков имелась пластинка, одновременно выполнявшая функции и нитеразделителя, и основного разделителя. Айнский станок ведёт своё происхождение от бёрда для тканья поясов, имевшего форму прямоугольной пластины с отверстием. Ткачество поясов — тканье на нитку с помощью бёрда с узкими длинными прорезями было известно коми-пермякам, юго-западным татарам и русским [11, с. 39—146].

Традиционная айнская одежда шилась из материи, сотканной из луба вяза *аттусь*, раскрашивалась своеобразным орнаментом. На более тонкие ткани шло волокно крапивы *тэтаранэ*. Обработку крапивы описал А.А. Попов: «Осенью женщины собирали сухие стебли, затем, приложив их к поставленной стоймя доске, соскрёбывали кострику с помощью острого края раковины, надев для предохранения ладони особые перчатки... После этого волокно промывали в воде и просушивали на воздухе. С наступлением морозов волокно растирали в холодной воде и на полдня клали на снег, затем натягивали на раму и оставляли до получения требуемой белизны» [11, с. 56].

Особенно широко было распространено древесное лыко для выделки веревок. Айны для этой цели использовали лыко ольхи, мелколистного клёна *тобени* и жёлтого клёна *нитистени*, сдирали кору весной и только с южной стороны дерева. Из древесного лыка также изготавливали летнюю

обувь вроде лаптей. Летом айны обычно не носили обувь, ходили босиком, лишь иногда надевая сандалии из лыка или травы. Вместо чулок ногу обёртывали сушёной травой осоки. Она сохраняла тепло и предохраняла ноги от сырости (в оттепель) и потения, что свидетельствует о приспособленности быта айнов к местным природным условиям. Осоку с этой же целью употребляли тунгусо-маньчжуры и палеоазиаты [9, с. 222], плащи искусно мастерили из берёсты.

Каркасные деревянные летние жилища айны покрывали тростником, камышом, соломой или корой хвойных деревьев. Внутри стены обшивались плетёными циновками *мосиро*. Кроме айнов плетение циновок было широко распространено у хантов, нанайцев, нивхов. Циновки применялись для покрытия стен шалаша, подстилки на пол и для других целей. В качестве материала айны употребляли крупные виды осоки *орекон* и стебли камыша *тококи*. Циновки украшались приложенными поверх основы кусочками ильмового лыка красноватого или чёрного цвета, что достигалось вымачиванием. Иногда на Сахалине плели циновки из рисовой соломы. Для их плетения айны изобрели специальный станок: вместо жерди на нём была планка с зарубками, чтобы крепче держались перекидные верёвки с камешками. Иногда айнский станок состоял из поперечной жерди на двух развилчатых подставках [11, с. 34—146].

Важную роль в хозяйстве и верованиях айнов играла ива. Она, как известно, растёт по берегам рек и озёр, и таким образом могла представляться естественным барьером, разделяющим Нижний и Средний миры. Вероятно, её считали способной оградить людей от неблагоприятного влияния подземных магических сил. В наделении ивы защитной функцией, вероятно, сыграли роль и природные прочность (её трудно сломать), гибкость и лечебные свойства. Из ивы изготавливали ритуальные предметы *инау*, выполнявшие защитную магическую роль. В то же время дерево служило посредником общения с верховным божеством. По мифологии айнов, первый человек был создан высшим божеством из земли и дерева (ивы).

Рыбные богатства, животный мир, обилие продуктов моря и дикорастущих растений позволяли айнам вести присваивающее хозяйство. Тем не менее земледельческие навыки они развивали ещё в древности. Согласно фольклору земледелие связывалось с культурным героем Окикуруми, который, спустившись якобы с неба, украдкой принёс с собой на землю горсть семян проса *пияпа*. С тех древних времён люди начали культивировать злаки. Айны возделывали также ячмень, пшеницу и суходольный рис. Собираательством и выращиванием культурных растений в основном занимались женщины [15, с. 45].

Из просяной шелухи *нуся* айны научились варить алкогольный напиток *тоното* (священное молоко). В основном спиртные напитки изготавливали летом, потому что они активно бродили и быстро прокисали. Алкоголь считался у айнов магическим напитком для жертвы богам [7, с. 49]. Они научились самостоятельно делать рисовую водку *амама-саке*. Сварив рисовую кашу, разводили её кипятком и, прибавив рисового солода,

заквашивали. Через 5—6 дней получали кисловатый, совершенно белый и густой напиток, «очень вкусный и несколько хмельной» [3, прил., с. 36].

Широкие познания данного этноса отмечаются в области народной медицины. Айны превосходно знали не только строение скелета и частей тела, но имели представление о внутренних органах человека. Каждая часть организма имела своё особое название. Знание анатомии обусловило практиковавшийся знахарями массаж при заболеваниях позвоночника. Как нивхи и ороки, айны умели останавливать кровь, успешно лечить травмы и переломы костей, справляться с простудными заболеваниями *хана* (термин сохранился у всех народов Нижнего Амура и Сахалина) при помощи лечебных растений. Рану смазывали смолой пихты, покрывали корой берёсты.

По представлению айнов мир населён добрыми духами *пирика* и враждебными человеку *вэн* и *косьнэ*. Привилегией постоянного почитания пользовались только добрые (дух огня, покровители дома и семьи, божества внешнего мира), обеспечивавшие существование людей. Вредоносные духи — источники всевозможных несчастий, болезней и смерти. Их можно отогнать при помощи колючих растений, ножей, дурного запаха и т.д. У айнов сохранялась лечебная практика шаманов, однако она не считалась основной.

Обычно знахарки лечили подобное подобным, обращая внимание не на болезнь, а на её симптомы. Например, раковина краба-отшельника очень похожа на ухо, поэтому она применялась как лекарство от всех ушных болезней. От почечных болезней *кинопи арака* ели собачьи почки. При грудных болезнях натирали грудь желчным пузырьком чавычи *ме-гюм*. При кровотечениях употребляли и внутренне, и наружно сок ольхи, которую так и называли *кэма ни* (кровоавое дерево). Птичья болезнь *чи-кахь-арака* сопровождалась болезнью дыхательных путей, гортани, зева. Лечили её водяной настойкой из пуха чёрного или пёстроного дятла. Рыбья болезнь *чэб-арака* якобы излечивалась напитком из мяса морской рыбы *аканкохчех* [10, с. 208].

Народная медицина развивалась на основе знания лечебной флоры и фауны. Для лечения ран и язв успешно применяли порошки из коры тальника, смородины, раковин, сока ивы. Знахари заметили, что жир, желчь и печень медведя, барсука, оленя содержат лекарственные вещества, излечивающие ожоги и порезы на коже [6, с. 57—105].

Некоторые медицинские приёмы являлись самостоятельным изобретением айнов, но, скорее всего, они плод коллективного творчества местного населения (тунгусо-маньчжуров и палиоазиатов), включая и русских поселенцев. Любые новшества в этой области благодаря взаимному общению быстро становились всеобщим достоянием. Это положение подтвердил врач М.М. Добротворский, сопоставляя народную медицину айнов с русской [2, с. 48].

Как и народы Нижнего Амура и Сахалина, айны много внимания уделяли физической подготовке. Они были отличными бегунами на длинные дистанции, знали приёмы борьбы и хорошо владели холодным оружием.

Большое значение придавал этот народ обучению воинскому искусству. Молодые воины, например, учились увёртываться от вражеских стрел, пущенных в них с четырёх сторон (эти упражнения широко практиковались у тунгусо-маньчжуров). По данным фольклора, культурные герои, нисколько не смущаясь, преодолевая чувство страха, спокойно вступали в борьбу с демонами и богами, как правило, побеждая их, оказываясь и смекалистее, и умнее [8, с. 61].

Таким образом, в традиционной культуре айнов проявляется комплекс народных знаний, основанный на промысловом опыте таёжных охотников, оседлых рыбаков, морских зверобоев и собирателей, направленный на создание системы жизнеобеспечения присваивающего хозяйства, позволяющий сохранить жизнь и здоровье. Рациональные знания помогали в жизни, обеспечивали материальное производство. Иррациональная подсистема знаний несла мировоззренческую нагрузку, являлась надёжным орудием совершенства этноса.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Арутюнов С.А., Шебеньков В.Г. Древнейший народ Японии: судьба племени айнов. М., 1992. 209 с.
2. Добротворский М.М. Русская простонародная медицина сравнительно с народной медициной сахалинских айнов // Перепечатано из «Записок общества врачей г. Казани за 1873 год». Казань, 1874.
3. Добротворский М.М. Айнско-русский словарь. Казань, 1875. 487 с.
4. Косарев В.Д. Тропами предков меж сопок и морей: экологический опыт и традиционное природопользование коренных народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 2007. 216 с.
5. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки, с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949. 841 с.
6. Онуки-Тирни Э. Айны северо-западного побережья Южного Сахалина / пер. с англ. и примечания Т.П. Роон // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 1996. № 2.
7. Пилсудский Б.О. Проект правил об устройстве быта и управлении айнов с краткими объяснениями отдельных пунктов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 41—61.
8. Пилсудский Б.О. Фольклор сахалинских айнов. Южно-Сахалинск, 2002. 62 с.
9. Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука, 2006. 540 с.
10. Подмаскин В.В. Этномедицина и этнодиетология в истории и культуре народов Дальнего Востока России (XVIII—XX вв.). Владивосток, 2011. 304 с.
11. Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // СМАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 16.
12. Прокофьев М.М. Орнамент на предметах декоративно-прикладного искусства айнов Сахалина (по материалам Сахалинского областного краеведческого музея) // Проблемы изучения и собирания предметов народного искусства в музеях Дальнего Востока (IV зональная науч.-практ. конф.): тез. докл. 21—23 апреля. Хабаровск, 1988.
13. РЭМ. Кол. № 5102—49.
14. Сем Т.Ю. Семантика ритуальных предметов в картине мира айнов по коллекциям Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2002. № 6.
15. Спесивовский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. М.: Наука, 1988. 205 с.